

Мотив надежды в лирике Пушкина

Известно, в какой степени французская поэтическая традиция оказалась важна для становления русской поэзии. Это сказалось не просто в отдельных сюжетных или жанровых заимствованиях: существенны были общие тематические и стилистические тенденции, свойственные французской поэзии¹. В русской лирике, и в частности в поэзии Пушкина, нашли отражение элементы легкой (фюжитивной) поэзии, эпиграммы, мадригала, поэтической сказки и глубокие философские размышления. Независимо от степени влияния французской поэзии на творчество Пушкина, сопоставление его философской лирики со стихами его предшественников демонстрирует существенные различия.

Философская поэзия — одно из широко распространенных во французской литературе XVII–XVIII вв. направлений. Размышляя о жизни, ее скоротечности, о неизбежности конца, поэты создают метафоры, нередко находя нетривиальные образы. Например, Пьер Матьё (Mathieu, 1563–1621) сравнивает жизнь с ломберным столом, за которым собралось четверо игроков — Время, Любовь, Человек и Смерть. В выигрыше всегда оказывается Смерть. В другом своем стихотворении он сравнивает жизнь с комедией: «*La vie que tu vois n'est qu'une comédie*», где одному достается роль Цезаря, а другому — Арлекина, но, каковым бы ни было амплуа, смерть всегда превращает эту комедию в трагедию: «*Mais la mort la finit toujours en tragédie*»². Известно заимствованное Пушкиным в его посла-

¹ См.: *Томашевский Б. В.* Пушкин и Франция. Л., 1960; *Эткинд Е. Г.* Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М., 1999 и др.

² Цит. по: *Sabatier R.* La poesie du XVIIe siecle. Paris, 1975. P. 69.

нии к А. М. Горчакову сравнение жизненного пути с пиром («le banquet de la vie») из оды Николая Жильбера (Gilbert, 1750–1780) — «Мне кажется: на жизненном пиру / Один, с тоской, явлюсь я, гость угрюмый, / Явлюсь на час — и одинок умру»¹. А вот как поэт XVII в. Пьер Марбёф (Marbeuf, 1596–1645) трактует тему жизни и смерти в стихотворении «Отшельник» («Le solitaire»):

La naissance m'apprend qu'il faut que l'homme meurt,
Très certaine est ma mort, très douteuse en est l'heure,
A tous les mesureurs je demande un compas
Qui me puisse marquer le point de mon trépas.
Mais je ne peux trouver ni compas, ni figure
Qui des longueurs des ans m'ensiegnе la mesure,
Dans l'abîme profond des divins jugements
L'éternel a caché le nombre des moments,
Qui doivent composer le temps de nos journées,
Et s'arrêter au point dont elles sont bornées.²

(Если человек родился, он должен будет умереть / Моя смерть свершится наверняка, но час ее неизвестен / Я ищущу такой измерительный прибор, / Который мог бы указать момент моей кончины / Но не могу найти такого, / Который измерил бы продолжительность моих лет. / В глубокой бездне высшего суда / Превечный бог таит число минут, / Которые составляют время нашего бытия / И которые должны остановиться в отведенный срок).

Эта же мысль, мысль об отведенном каждому жизненном отрезке и о незнании, где его конец, звучит в одном из лучших русских стихотворений:

Пора мой друг, пора! покоя сердце просит
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить... и глядь — как раз умрем.

(III, 330)

Современный исследователь источников этого пушкинского шедевра, досконально рассмотрев все возможные предпосылки появления глубоких философских строк, приходит к выводу о том, что главный источник — «Письма к Луцилию» Сенеки³. Признание трактата Сенеки

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 279, 758.

² Recueil des vers de Monsieur de Marbeuf. Rouen, 1628. P. 71–72.

³ Мазур Н. Н. «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...»: Источники и контексты // Пушкин и его современники. СПб., 2005. Вып. 4 (43). С. 364–419.

в качестве основного источника пушкинского стихотворения не исключает возможности того, что определенную роль могли сыграть и поэтические строки на эту тему. Среди многочисленных примеров классической риторической традиции «похвалы сельской жизни» — мотива, звучащего в стихотворении Пушкина, — упомянуты «Стансы к Тирсису» Онора де Ракана (Racan, 1589–1670): «Tircis il faut penser à faire la retraite» («Тирсис, пора подумать о том, чтобы уйти на покой»)¹. Примечательно, что эти бесспорно замечательные стансы принадлежат тому самому Ракану, поэзию которого Пушкин в наброске «О французской словесности» (1822?) охарактеризовал как «дрянь» (XII, 191). Тем не менее представляется, что эти стансы следует оценить не только как один из лучших вариантов развития темы «преимуществ сельской жизни» во французской поэзии, но и как один из возможных источников вдохновения пушкинских строк:

Tircis, il faut penser à faire la retraite
La course de nos jours est plus à demi faite
L'âge insensiblement nous conduit à la mort
Nous avons assez vu sur la mer de ce monde
Errer au gré des flots notre nef vagabonde
Il est temps de jouir des délices du port
<...>
Crois-moi, retirons-nous hors de la multitude
Et vivons désormais loin de la servitude.²

(Тирсис, пора (надо) подумать о покое / Течение наших дней наполнивину пройдено / Лета незаметно приближают нас к смерти / Мы достаточно насмотрелись, как в житейском море / По воле волн скитался наш праздный корабль / Пора пристать в спокойную гавань³ <...>. Поверь мне, удалимся от толпы / И станем жить вдаль от рабской зависимости).

Ср.:

На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег

(III, 330).

¹ Мазур Н. Н. «Пора, мой друг, пора, покоя сердце просит...». С. 388.

² Racan. Œuvres complètes. Paris, 1857. Т. 1. P. 146.

³ Ср. также со строками Андре Шенье, переведенными Пушкиным в 1827 г.: «la route de la vie, / Où de tant d'aigilons ma voile est poursuivie»; в пушкинском переводе: «На море жизненном, где бури так жестоко / Преследуют во мгле мой парус одинокой» (III, 66).

Здесь можно отметить отдельные почти буквальные переключки: «Il est temps» — «пора»; «la retraite» — «покой»; «servitude» — «усталый раб».

Как и у французских поэтов, в пушкинских стихах картина мира и жизни выглядит в достаточной степени пессимистично. В 1830 г. были написаны «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы», где жизнь представляется как безотрадная реальность, суета сует, нить которой в любой момент может прерваться. И все-таки у читающего пушкинские строки не возникает чувства безысходности: поэт не остается пассивным, он задает вопросы, он хочет понять смысл человеческого существования. Муза Пушкина «постоянно светла по основному тону»¹. У Пушкина пессимистическая, обреченная тональность — «На свете счастья нет» — вдруг перебивается противопоставлением «но...». Противительный союз меняет интонацию: дает шанс, дарит надежду. О «поэтическом эффекте» пушкинского противительного «но» писал В. А. Грехнев². Ученый рассматривает в этом ракурсе «Элегию» («Безумных лет угасшее веселье...», 1830), где заменивший первоначальный вариант — соединительный союз «и» — противительный «но» решительно меняет настрой стихотворения. Судьба готовит поэту «труд и горе»: жизненный путь не обещает быть легким, но «Элегия» — это попытка преодолеть трагизм мироощущения. Тяжелому похмелью противопоставлено старое доброе вино, которое доставляло наслаждение, когда его пили. Как пишет С. Г. Бочаров, «Элегия» Пушкина — это, по сути, ответ на вопрос «Вакхической песни» (1825): «Что смолкнул веселия глас?»³. Молодость проходит, но она была прекрасна, было пережито замечательное время, и воспоминание о нем остается, а потому поэт говорит: «Но не хочу, о други, умирать; / Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать» (III, 228). Элегия Пушкина выделяется и на фоне поэзии его современников. И. П. Смирнов полагает, что Пушкин в своей «Элегии», «интертекстуально синтезируя» две элегии Баратынского — «Уныние» и «Элегию» («Нет, не бывать тому, что было прежде...»), — «усложнил жанр элегии, превращая его из сугубой ламентации в двусмысленный апофеоз бытия»⁴. Действительно, Пушкин нарушает жанровый канон: «перед нами элегия без элегических затей»⁵. С. А. Фомичев нашел остроумную формулировку для характеристики пушкинской лирики 1830-х гг. — «своеобразный жанр антиэлегии», поскольку «обращение к пережитым впечатлениям является не поводом для унылых медитаций

¹ Фомичев С. А. Праздник жизни: Этюды о Пушкине. СПб., 1995. С. 110.

² Грехнев В. А. Мир пушкинской лирики. Нижний Новгород, 1994. С. 248.

³ Бочаров С. Г. Праздник жизни и путь жизни // Русские пиры. Канун: Альманах. СПб., 1998. С. 219.

⁴ Смирнов И. П. Aemulatio в лирике Пушкина // Пушкин и Пастернак: Материалы второго Пушкинского коллоквиума. Будапешт, 1991. С. 33, 35.

⁵ Бочаров С. Г. Праздник жизни и путь жизни. С. 219.

о быстротечности жизни, но тем родником, который питает надежду на счастье»¹.

«Поэзия Пушкина зрелого периода, в том числе и поэзия трагического содержания, озарена светом вечности»². Хочется добавить, что в этой лирике проглядывает еще и луч надежды. Жизненный путь человека насыщен препятствиями, разочарованиями, обманутыми ожиданиями. Но «если жизнь тебя обманет, / Не печалься, не сердись!», писал Пушкин в 1825 г. Да и среди его более поздних строк читаем:

О нет, мне жизнь не надоела,
Я жить люблю, я жить хочу.
Душа не вовсе охладела,
Утрата молодость свою.

(III, 447)

Любовь к жизни — вот что отличает поэзию Пушкина и его мироощущение.

© Дмитриева Н. Л., 2017

¹ Фомичев С. А. Поэзия Пушкина: Творческая эволюция. Л., 1986. С. 185.

² Маймин Е. А. Пушкин: Жизнь и творчество. М., 1981. С. 121.

Пушкин и другие (двадцать лет спустя)

Сборник статей к 80-летию
Сергея Александровича Фомичева

П А Л Ь М И Р А

Санкт-Петербург

2 0 1 7

УДК 82.0
ББК 83.3(2Рос-Рус)
П91

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии наук

Составители С. В. Денисенко и Н. Л. Дмитриева
Научные редакторы М. Н. Виролайнен и С. Б. Федотова

Вic: DSB
Bisac: LIT004240

Pushkin and the Others (Twenty Years After): Collection of articles dedicated to the eightieth anniversary of Sergey Aleksandrovich Fomichev

Collection of articles dedicated to the eightieth anniversary of Sergey Aleksandrovich Fomichev contains articles of Fomichev's successors including his former postgraduates, members of the Pushkinsky Seminar he held with V. E. Vatsuro, Pushkin Studies Department staff educated and developed under the guidance of Mr. Fomichev and just junior associates constantly consulted with him.

П91 **Пушкин** и другие (двадцать лет спустя): сборник статей к 80-летию Сергея Александровича Фомичева / сост. С. Денисенко, Н. Дмитриева. — СПб. : ООО «Издательство «Пальмира» ; М. : ООО «Книга по Требованию», 2017. — 471 с. — (Серия «Lyceum»).

ISBN 978-5-521-00671-7

В сборник статей, посвященный 80-летию Сергея Александровича Фомичева, вошли статьи его коллег и исследователей, считающих себя учениками Сергея Александровича. Среди них его бывшие аспиранты, участники Пушкинского семинара, который он вел несколько лет вместе с В. Э. Вацуру, сотрудники Отдела пушкиноведения, выросшие и сформировавшиеся под его руководством, просто младшие коллеги, постоянно пользовавшиеся его советами и консультациями.

УДК 82.0
ББК 83.3(2Рос-Рус)

© Денисенко С. В., Дмитриева Н. М.,
составление, 2017

© Оформление.
ООО «Издательство «Пальмира»,
АО «Т8 Издательские Технологии», 2017

ISBN 978-5-521-00671-7